

Russland am Vorabend des XX. Jahrhunderts.

РОССІЯ НАКАНУНѢ ДВАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ

* * *

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

БЕРЛИНЪ
ИЗДАНИЕ ГУГО ШТЕЙНИЦА
1901

BERLIN 1901, HUGO STEINITZ VERLAG.

Извѣстнѣйшая русская библіотека.

Часть XIX.

20 1915
7477

Учен. зап. кн. б-ка
Им. Н. П. Гуманова

А

РОССІЯ

НАКАНУНЪ ДВАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

* * *

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ.

БЕРЛИНЪ.

Изданіе Гуго Штейница.

1901.

А

Девятнадцатый вѣкъ былъ поворотною точкой въ русской исторіи. Въ теченіи столѣтій государство слагалось и устраивалось подъ руководствомъ самодержавной власти русскихъ царей. Общество только слѣдовало за нею, подчиняясь ея велѣніямъ и мало проявляя самостоятельныхъ силъ. Самыя либеральныя стремленія исходили сверху, плохо укореняясь въ общественныхъ нравахъ. Поклонница просвѣтительной философіи XVIII-го вѣка, Екатерина Вторая, въ своемъ знаменитомъ наказѣ высказала гуманныя идеи, господствовавшія въ умахъ того времени; но какъ глубоко практическая женщина, она скоро увидѣла всю трудность примѣненія ихъ къ Россіи. Соприкосновеніе съ собранными въ Петербургѣ выборными отъ всѣхъ сословій убѣдило ее, что касаться крѣпостнаго права, на которомъ строился весь нашъ общественный бытъ, было бы опасно, и вмѣсто того чтобы проводить въ этой области провозглашенныя ею либеральныя начала, она укрѣпила крестьянъ даже въ тѣхъ ча-

стяхъ русскаго государства, гдѣ они дотолѣ были свободны. Малороссія, въ замѣнъ утраченныхъ ею привилегій, получила крѣпостное право, и это привязало высшее ея сословіе къ Россіи. Въ отвѣтъ на убѣжденія Дидро, Екатерина говорила, что хорошо ему писать проекты на бумагѣ, которая все терпитъ, а ей приходится оперировать надъ человѣческимъ тѣломъ, которое гораздо чувствительнѣе. Либеральныя начала, внесенныя ею въ мѣстное управление, повели единственно къ тому, что положеніе дворянства укрѣпилось, и оно почувствовало свою независимость.

Еще безплоднѣе въ практическомъ отношеніи оказались либеральныя стремленія ея внука. Воспитанникъ Лагарпа, онъ былъ насквозь проникнутъ идеями XVIII-го вѣка. Онъ мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться благодѣтелемъ своего народа дарованіемъ ему свободы и политическихъ правъ. Въ присоединенныхъ къ Русской Имперіи Финляндіи и Царствѣ Польскомъ онъ водворилъ конституціонныя учрежденія. Но примѣнять ихъ къ Россіи, на почвѣ крѣпостнаго права, было невозможно, а коснуться этого начала значило возбудить противъ себя все высшее сословіе, которое видѣло въ немъ оплотъ всего своего благосостоянія. Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, предоставлявшій освобожденіе крестьянъ доброй волѣ помѣщиковъ, остался мертвою бук-

вой. Противорѣчіе между благородными стремленіями юнаго монарха и состояніемъ подвластной ему страны было полное, и этимъ въ значительной степени объясняются тѣ колебанія, которымъ подвергалась измученная его душа. Наконецъ, практика взяла свое: усталый самодержецъ, извѣрившись въ возвышенныя убѣжденія своей молодости, не находя ни единого пособника, на котораго бы онъ могъ опираться, погрузился въ мистицизмъ и отдалъ себя въ руки постоянно преданнаго ему Аракчеева. Конечъ царствованія былъ полнымъ отрицаніемъ его начала.

Однако брошенныя имъ сѣмена не погибли. Въ русской молодежи того времени они нашли воспріимчивую почву. Пребываніе русскихъ войскъ за границею въ Наполеоновскія войны еще болѣе усилило это направленіе. Русскія офицеры увидѣли въ очію порядокъ вещей, въ которомъ свобода и право получали должное огражденіе, и съ горькимъ чувствомъ сравнивали съ этимъ то, что они находили у себя по возвращеніи изъ заграничныхъ походовъ. Въ нихъ зародилось неудержимое стремленіе водворить тѣже начала въ своемъ отечествѣ. Отсюда заговоръ Декабристовъ. Александръ про него зналъ, но онъ глядѣлъ на это сквозь пальцы. „C'est moi qui ai mis ces idées en vogue, ce n'est pas à moi à sévir“, отвѣтилъ онъ на представленія своихъ приближенныхъ.